

П.В. Рябов

Романтический анархизм

Алексея Борового

(из истории русской философии жизни)

В одном из последних, наиболее солидных и репрезентативных, обобщающих коллективных исследований по истории русской философии представителям постклассического российского анархизма посвящена половина абзаца следующего содержания: «Что касается эпигонов классического анархизма..., то в их сочинениях возобладал крайний разрушительный нигилизм (практически во всех сферах), и рациональных идей в этих работах почти не было»¹. И всё. Однако этот категорический диагноз наглядно свидетельствует не столько об идейном убожестве и бесплодии философии российского анархизма 1910–1930-х гг., сколько о современном состоянии ее исследований (весьма близком к нулевой отметке)². В рамках небольшой статьи невозможно обозначить даже контуры и лейтмотивы философского наследия плеяды интересных анархических мыслителей России первой трети XX века, среди которых выделяются Яков Новомирский (Д. Кирилловский), Иуда Гроссман-Рощин, Григорий Максимов, Всеволод Волин, Аполлон Карелин, Алексей Солонович. Можно поступить иначе – указать на некоторые ключевые идеи и аспекты теоретической деятельности наиболее значительного анархического философа России этой эпохи Алексея Алексеевича Борового (1875–1935)³.

¹ История русской философии: Учеб. / Под ред. М.А. Маслина. Изд. 2-е. М., 2008. С. 575.

² До сих пор практически не существует обобщающих исследований данной темы, ее лишь по касательной затрагивают историки (но отнюдь не философы!) – в специфическом контексте изучения «истории общественной мысли, общественного движения» и некоторых персоналий. Подробнее об этом см.: Рябов П.В. Философия постклассического российского анархизма – terra incognita для историко-философских исследований (к постановке проблемы) // Преподаватель XXI век. 2009. № 3. С. 289–297.

³ В последние годы идеи и наследие А.А. Борового понемногу возвращаются к читателю, а его фонд в РГАЛИ (Российском государственном архиве литера-

Кто такой Алексей Боровой? Отвечать можно долго и обстоятельно. Ученый-энциклопедист: экономист (автор «Популярного курса политической экономии»⁴ и множества статей на экономические

туры и искусства), содержащий множество ценнейших материалов, открыт для исследователей. Из наиболее важных публикаций двух последних десятилетий: Боровой А.А. Анархизм. М., 2009; *Он же*. Бакунин. М., 1994; *Он же*. Власть // Анархия и Власть. М., 1992; *Он же*. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. (Отрывки) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения. М., 1994; *Он же*. Моя жизнь. Воспоминания. Глава VII. Как я стал анархистом // Человек. 2010. № 3; *Он же*. «Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии» // Диаспора: новые материалы. Т. 6. СПб., 2004.

Из работ о Боровом см.: *Отверженный Н.* [Булычёв Н.Г.] Главные течения в анархической литературе XX века // Михаилу Бакунину. 1876–1926. Очерки истории анархического движения в России. М., 1926; *Пастухов А.* Проблема анархической философии, общественности и А. Боровой // Пробуждение. Детройт, 1929. № 8; *Аладышкин И.В.* Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX – первой декады XX века (на материалах г. Москвы и Санкт-Петербурга): Диссерт. ... к. ист. н. Иваново, 2006; *Рублёв Д.И., Рябов П.В.* Алексей Алексеевич Боровой. Человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2; *Цовма М.А.* Алексей Боровой и Петр Кропоткин // Труды Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 3. П.А. Кропоткин и революционное движение. М., 2001; *Рябов П.В.* Философия классического анархизма (проблема личности). М., 2007; *Он же*. Михаил Бакунин и Алексей Боровой: Созвучие и резонанс // Прямухинские чтения 2007 года. Тверь, 2008; *Он же*. «Былое и Думы» Алексея Борового // Человек. 2010. № 3; *Он же*. Алексей Алексеевич Боровой и его книга «Анархизм» // Боровой А.А. Анархизм. М., 2009; *Он же*. Хорошо забытое старое. Обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Культурология: Дайджест. 2009. № 1 (48); *Он же*. Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонизма) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 6. Сер. Гуманитарные науки. 2010; *Он же*. Алексей Боровой и философия Фридриха Ницше (из истории русского ницшеанства в начале XX века) // Преподаватель XXI век. 2010. № 2; *Он же*. Российское кантианство и неокантианство начала XX века в неопубликованных мемуарах А.А. Борового // Кантовский сборник. 2010. № 4; *Кривенький В.* Боровой Алексей Алексеевич // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996; *Гусева Ю.В.* Из творческого наследия анархиста А.А. Борового // Отечественные архивы. М., 1992. № 4; *Годунова Н.В.* Проблема власти в творчестве А.А. Борового / Сост. А.А. Воробьев // SCHOLA-2000. М., 2000; *Талеров П.И.* Гуманист Алексей Боровой: страницы истории российской анархистской мысли // Исторические личности России. Материалы 11-й Всерос.

темы), юрист и историк (его фундаментальная диссертация о Великой французской революции «История личной свободы во Франции» в двух частях заслужила похвалы таких корифеев, как М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев), социолог, психолог, публицист, одаренный музыкант, приват-доцент, а потом и профессор Московского университета и (судя по отчетам Охранного отделения) «любимец московского студенчества», изгнанный из университета за свои взгляды как при царском, так и при большевистском самодержавии. Мемуарист, чья колоссальная книга воспоминаний (1900 страниц) все еще ждет своей публикации в фонде А.А. Борового в РГАЛИ (лишь небольшие отрывки из нее были опубликованы в последние годы). Автор монументального исследования о философии Достоевского (также до сих пор не изданного). Яркий журналист, переводчик, издатель, общественный деятель (редактор газеты «Жизнь», журнала «Клич», один из лидеров Московской вольной философской ассоциации и анархических издательств «Логос» и «Голос Труда», товарищ председателя Кропоткинского Комитета), до конца оставшийся верным своим анархическим убеждениям (он умер в ссылке в 1935 г.). Один из лучших ораторов своего времени. В числе его знакомых и друзей – добрая половина деятелей Серебряного века. Назову лишь некоторые имена: философы – И.А. Ильин, Г.Г. Шпет, Б.П. Вышеславцев, П.Б. Струве (на чьей племяннице Боровой был женат вторым браком), поэты и писатели – М.А. Волошин, А. Белый, К.Д. Бальмонт, В.В. Маяковский (рисовавший его портреты), А.Н. Толстой (упоминавший Борового на страницах «Хождения по мукам»), юристы, экономисты и историки – Ф.Н. Плевако, А.И. Чупров, Б.А. Кистяков-

заоч. науч. конф. СПб., 1998; *Он же*. О жизни и творчестве Алексея Борового – анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2008, № 3; Венюк Алексею Боровому. М., 2000; *Рублёв Д.И.* Проблема «интеллигенция и революция» в анархической публицистике начала XX века // Отечественная история. 2006. № 3; *Он же*. Московские анархисты в середине 1920–1930-х гг. (Политическая борьба в условиях репрессий) // Прямухинские чтения 2008 года. Тверь, 2010; *Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 2000; *Ударцев С.Ф.* Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994; *Эврич П.* Русские анархисты. 1905–1917. М., 2006; *Avrich P.H.* The Russian Anarchists. N.Y., 1978; *Goodwin J.* Confronting Dostoevsky's Demons. Anarchism and the Specter of Bakunin in Twentieth-Century Russia. N.Y., 2010.

ский, М.М. Ковалевский, А.К. Дживелегов, театральные и музыкальные деятели – А.Н. Скрябин, М.Н. Ермолова, художники и скульпторы – С.Т. Конёнков, И.Э. Грабарь, С.В. Герасимов, революционеры – В.Н. Фигнер, П.А. Кропоткин, Н.И. Махно, Э. Гольдман. Во время поездок за границу (в 1903–1905 и 1911–1913 гг.) Алексей Боровой в Париже посетил лекцию А. Бергсона, общался с лидером социалистов Ж. Жоресом и с видным историком А. Оларом, а в Вене – с З. Фрейдом. Он был знаком и вел переписку с социологом, исследователем политических партий Р. Михельсом. Вера Фигнер назвала его «оратором милостью Божьей», Нестор Махно (вообще-то недолюбивавший городских анархистов-интеллигентов) оставил о нем восторженный отзыв в своих воспоминаниях, а легендарная американская анархистка и феминистка Эмма Гольдман в мемуарах восхищалась его «бриллиантовым разумом и грациозной личностью»; высоко о нем отзывались и люди совершенно иного склада и круга – весьма скептически относящиеся к анархизму и революции и близко знавшие Борового по совместной работе журналисты и писатели Дон-Аминадо (А.П. Шполянский) и А. Ветлугин (В.И. Рындзюн)⁵. Всесторонне одаренный, обаятельный человек, романтик в полном смысле этого слова, участвовавший во многих начинаниях (в том числе в литературных, музыкальных и философских обществах, журналах и издательствах), жизнерадостный, глубокий, остроумный, общительный (но всегда самостоятельный), принципиальный (но без догматизма и партийного фанатизма), вольнолюбивый и отзывчивый, Алексей Алексеевич Боровой был яркой и значительной фигурой российской культурной и общественной жизни первых десятилетий XX в.

Впрочем, подробное жизнеописание Алексея Борового еще ждет своего часа, как и публикация многих рукописей из его интереснейшего архива. Здесь можно лишь обозначить основные линии его философствования, наметившие переход от классического к постклассическому анархизму.

Публичная лекция «Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм», прочитанная А. Боровым в апреле 1906 г. в московском Историческом музее (и вскоре изданная отдельной книгой в России и Германии), не только явилась

⁵ См.: *Махно Н.И.* Воспоминания. М., 1992; *Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. М., 2006; *Ветлугин А.* Сочинения. Записки мерзавца. М., 2000; *Goldman E.* Living my life. Vol. 2. N.Y., 1931.

первым легальным исповеданием анархической философии в России; благодаря ей Боровой завоевал широкую известность как талантливый теоретик и пропагандист анархизма, выступающий за его кардинальное внутреннее обновление. Затем последовали книги «Революционное миросозерцание», «Класс, партия и интеллектуальный пролетариат», «Революционное творчество и парламент», «Анархизм», «Личность и общество в анархистском мировоззрении», «Миф о Бакуине» (последняя книга была написана в соавторстве с Н. Отверженным (Н.Г. Булычёвым) – учеником и товарищем Алексея Алексеевича), очерк «Бакуин», не опубликованные при жизни мыслителя книги «Достоевский», «Власть», «Моя жизнь. Воспоминания», «Разговоры о Живом и Мертвом». Многие из этих работ рождались из лекций и выступлений, были «сырыми», несовершенными и незавершенными. Слишком многие замыслы Борового (например, фундаментальный труд «Этика анархизма») остались невыполненными. Это было обусловлено как «внешними» обстоятельствами (аресты, ссылки, эмиграция, цензурные запреты и запреты на профессию), так и определенным легкомыслием увлекающегося романтика, который пытался сразу осуществлять различные начинания в музыке, преподавании, науке, общественной жизни. Мыслитель-поэт, далекий от системосозидания и выражающий себя посредством мыслеобразов и метафор, заряженных энергетически, эстетически и аксиологически, Боровой писал легко и живо: о национальном вопросе и продолжительности рабочего дня, об истории революционного движения и женском вопросе, о философии марксизма и поэзии символистов, о проблемах самоубийства и свободы воли, о Великой французской революции и о современном масонстве, о путях радикальной либертарной реорганизации университета и о музыке Скрябина, о достопримечательностях Парижа и о европейском неороялизме, о рабочем движении и фабричной системе Тэйлора, о сущности большевистского режима и о классовой природе интеллигенции. Роковая печать недодуманности и недосказанности лежит на всем творчестве А. Борового – и это тоже типично для философии постклассического российского анархизма, уничтоженного в момент своего духовного и интеллектуального взлета. И все же по масштабу и глубине поставленных философских проблем и по оригинальности их решения Боровой вполне достоин занять место в одном ряду со всемирно известными мыслителями российского анархизма – Бакуиным, Кропоткиным и

Толстым. Алексей Алексеевич Боровой – несомненно, крупнейший анархический мыслитель России в послекропоткинскую эпоху, не просто «публицист», «пропагандист» или «идеолог» анархизма, но философ, осуществивший широкий идейный синтез, предложивший новую мировоззренческую парадигму для анархизма и подвергнувший пересмотру многие основания анархической философии.

Идейная эволюция А. Борового, постоянное включение в орбиту его внимания новых проблем и мыслителей сочетались с определенным постоянством, верностью некоторым ключевым интуициям и ценностям. Пережив в юности пылкое, «религиозное» увлечение марксизмом, пройдя через краткий, но бурный роман с нищестанством и интерес к неокантианству, в 1904 г. в Париже Боровой осознал себя анархистом и оставался им на протяжении тридцати лет (преодолевая индивидуалистические крайности и изживая марксистские стереотипы). Его не удовлетворяло господствовавшее тогда в России кропоткинское понимание анархизма, с присущими ему сциентизмом, прогрессизмом, ориентацией на просветительно-позитивистскую парадигму, обожествлением массового творчества и забвением личности, стремлением догматически отстроить анархизм как всеобъемлющую и научно обоснованную систему. В своем философствовании Боровой вернулся к полузабытым прозрениям Бакуина (доверие жизненной спонтанности, антисциентизм, интуитивизм), соединяя романтизм и философию жизни (прежде всего, в бергсонинской версии), а также идеи Макса Штирнера (с его акцентом на роли личности и критикой всех надличностных отчуждающих «призраков») с практикой революционного синдикализма, который ратовал за примат жизни и действия над теорией, социального творчества над инерцией существующего и сочетал автономию личности с коллективным действием – вне централизма и бюрократизации. Боровой опирался также на философское наследие Достоевского, подчеркивая в нем антимещанство, бунтарство, адогматизм и экзистенциальную проблематику. При этом Алексей Алексеевич стремился к органичному синтезу всех этих разнообразных идейных влияний и течений, центрируя их вокруг основополагающей для анархического мировоззрения проблематики свободы, творчества и личности. Он пытался придать анархизму новый облик, который вывел бы его за рамки гибнущей цивилизации модерна и противостоял бы вызовам катастрофической эпохи мировых войн, поражения социальных революций и утверждения массо-

вого индустриального общества и тоталитарных режимов. В новых условиях «апофеоза беспочвенности» личность должна была научиться жить, творить и бороться в ситуации «невесомости» и без оказавшейся предательской просветительской веры в старых Кумиров: Разум, Науку, Прогресс. Чтобы достойно отвечать новой социальной и культурной ситуации, анархизму следовало радикально трансформировать и обновить свои мировоззренческие основания и даже свою архитектуру. Боровой хорошо понимал необходимость новых ориентиров для анархической философии. Старая вера в прогресс, разум, науку, массу, в неизбежность скорого утверждения социального рая на земле должна была, по его замыслу, смениться адогматическим и трагическим мировосприятием, ориентированным экзистенциально и помогающим личности (которая для Борового всегда была исходной точкой и высшей ценностью анархизма) выстоять в предельно суровых условиях. Такая философская стратегия оказалась мудрой, плодотворной и многообещающей.

Анархизм Борового как философа, развивавшегося в общем потоке неоромантической культуры через философию жизни к экзистенциализму, вернее всего было бы назвать «романтическим анархизмом». Это название намного точнее, интегральнее и содержательнее всех иных, традиционно навешиваемых на него ярлычков, ибо он синтезировал в своей теории анархо-индивидуализм с его апофеозом личности и анархо-синдикализм с либертарно-социалистической программой и апологией массового самоуправляющегося движения трудящихся, распространив синдикалистские идеи и методы на борьбу «трудовой интеллигенции» за свои права⁶. 19 февраля 1930 г. ссыльный мыслитель признавался в своем дневнике: «Я, быть может, последний действенный романтик наших дней»⁷. А 15 ноября 1931 г. тоже в дневнике уточнил: «Романтизм есть бунт за личное, отрицание

⁶ Интересные идейные наработки А.А. Борового на сей счет (а он, не ограничиваясь теорией, стал в 1917 г. инициатором создания – на принципах революционного синдикализма – Федерации союзов работников умственного труда и редактором ее печатного органа «Клич») напоминают идеи французского студенческого синдикализма 1960-х гг.: последовательная и всеобъемлющая автономия и самоуправление университетов, революционные и либертарные принципы построения движения трудовой интеллигенции и т. д. При этом Боровой был в равной степени далек как от марксистского презрения к интеллигенции, так и от народнического «идолопоклонства» перед ней.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 173. Л. 100.

универсальных претензий интеллектуализма, освобождение мироощущения от религиозного, фетишистского, абстрактного»⁸. И анархизм для Борового есть не что иное, как «романтическое учение, враждебное “науке” и “классицизму”, но тактика его должна быть реалистической. Под романтизмом я разумею торжество воли и чувства над “разумом”, над отвлеченными “понятиями” с их убийственным автоматизмом, триумф живой, конкретной, своеобразной личности». А потому «в основу анархического мировоззрения может быть положен лишь один принцип – безграничного развития человека и безграничного расширения его идеала»⁹.

Уже в самой ранней программной работе Алексея Борового были обозначены как величие анархического идеала, так и крайняя неудовлетворительность философских и научных построений классического (прежде всего, кропоткинского) анархизма. Торжественно возглашая, что «из всех формул, в которые страдающее, мыслящее и мечтающее человечество облекло свои страстные искания общественного идеала, – анархизм, несомненно, является наиболее возвышенной и наиболее полно отвечающей на запросы пытливого человеческого мысли. Наиболее возвышенной, говорю я, потому что центральной идеей анархизма является конечное освобождение личности»¹⁰, А. Боровой одновременно признавал: «Критическая работа, исполненная анархизмом, колоссальна. (...) Но рядом с этой грандиозно поставленной задачей еще более бросается в глаза убогое нищенство тех средств, которыми пытался он провести свою программу в жизнь»¹¹.

А в книге 1918 г. Алексей Боровой уточняет основные моменты своей самокритики анархической философии: «Чрезмерная идеализация творческой силы “масс”, доходящая до настоящего фетишизма, представляет тоже чрезвычайно уязвимый пункт историко-философских построений анархизма»¹². Кроме того, с духом анархизма не совместимы ни представление о «конечном идеале», ни абсолютиза-

⁸ Там же. Л. 168.

⁹ Боровой А.А. Анархизм. М., 1918. С. 8.

¹⁰ Боровой А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М., 1906. С. 45.

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Боровой А.А. Анархизм. М., 1918. С. 67.

ция научных доводов в его обосновании. Разве можно «научно» обосновать свободу или до конца постичь личность? Поэтому «анархизм – мирозерцание динамическое. Анархизм верит в непрерывность мирового развития, в неостанавливающийся рост человеческой природы и ее возможностей. (...) И никакая определенная общественная форма не может дать последнего удовлетворения, за которым нечего желать»¹³. Наконец: «Всё “научное”, “объективное”, рационалистически доказуемое бывает безжалостно попорно, наоборот, остается нетленным всё недоказанное и недоказуемое, но субъективно достоверное. В “знании” противоречия недопустимы, вера знает – любые противоречия. Всякое знание может быть опровергнуто, а веру опровергнуть нельзя. И анархизм есть вера. Его нельзя показать ни научными закономерностями, ни рационалистическими выкладками, ни биологическими аналогиями. Его родит жизнь, и для того, в ком он заговорит, – он достоверен. (...) И анархизм не чуждается “науки”, и анархизм не презирает формул, но для него они – средство, а не цель»¹⁴.

Почитатель и знаток философии А. Бергсона¹⁵ и приверженец бакунинской идеи о примате жизненного¹⁶ творчества над научными

¹³ Там же. С. 154.

¹⁴ Там же. С. 160.

¹⁵ Боровой, описывая в мемуарах свое пребывание в Париже в 1911–1913 гг., вспоминал: «Бергсона и видел и слышал – один раз. Александра Васильевна Гольштейн, разделявшая мои восторги перед ним и слегка с ним знакомая, – уговорила меня пойти вместе с ней на его лекцию. Позже свое безграничное увлечение Бергсоном Гольштейн запечатлела и образцовым переводом его капитальных произведений», которые, впрочем, «не передают вполне чудесного лаконизма, простоты, точности, изящества Бергсона». РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 170. Л. 20. Алексей Алексеевич так описывает свои впечатления от личности Бергсона (на лекцию которого пришлось прийти за час, чтобы занять место в аудитории): «Вошел Бергсон. Высокий, тонкий, с вдумчивым усталым лицом еврейского типа, просто одетый, он сел за стол без всякой аффектации и начал говорить. Он не “читал” и не говорил. Он думал вслух. Умственная лаборатория Бергсона была распахнута пред всеми настезь. При нас складывались звенья занимавшей философа идеи. Казалось, он тут же искал и находил аргументы в ее защиту, тут же извлекал из огромного запаса естественнонаучных фактов нужные ему иллюстрации и аналогии, тут же соображал и взвешивал силу возможных возражений, нащупывал их слабые места, опрокидывал и утверждал – уже, как доказанную, неопровержимую, свою исходную

абстракциями, Боровой стремился выделить в анархизме ценностное ядро, связать его с философией жизни (жизни спонтанной, творящей и бездонной) и с борьбой революционных синдикалистов. Прежде всего, для Борового анархизм – не только и не столько социальное учение или программа действий (хотя и это также), сколько философское мировоззрение, ставящее в центр человеческую личность, ее свободу и творчество. А развитие личности, ее борьба с деспотизмом общества за свое освобождение так же вечны, как и само человечество. Из чего вытекает «мысль о невозможности конечного анархического идеала – центральный мотив моего личного анархического мировоззрения»¹⁷. Значит, анархизм есть не статичное и догматическое учение, а динамическая философия, хотя и пользующаяся услугами науки, но принципиально к науке не сводимая, как не сводимы к науке ни Жизнь, ни Свобода – символы анархической веры. Анархизм для А. Борового – «философия пробудившегося человека». Он призван заимствовать лучшее из либерализма (борьба за политическую свободу) и социализма (отстаивание экономического равенства и социальной справедливости), но идет дальше – апеллируя не к политическому «гражданину» и не к «классу» пролетариев, а к личности в ее вечной тяжбе с обществом.

Если в своих ранних сочинениях мыслитель – в духе Штирнера – абсолютно противопоставлял личность и общество и считал задачей анархизма полное обособление и самообеспечение личности, то в своих зрелых книгах «Анархизм», «Личность и общество в анархическом мировоззрении» и рукописях начала 1930-х гг. он скорректировал свою позицию, органично сочетая персонализм и социализм. Теперь Боровой критиковал как кропоткинский «научный анархокоммунизм», который, по его мнению, недооценивал роль личности, растворял ее в обществе и чересчур идилично и «финалистски»

мысль в ослепительно точной, ясной, доступной всем формулировке. Чистота, тонкость его мышления казались волшебством. Такого мастера, да еще в процессе работы, я не слышал. Великие мыслители известны по готовым книгам. Ход их мысли мог быть восстановлен не всегда. (...) И, разумеется, никто не владел так виртуозно материалом. Никто – и в значительнейшей мысли не мог почувствовать скрытого богатства тем, никто не умел представить самую мысль – не как отвлеченное построение, а как трепещущую жизнь. Я был совершенно очарован». РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Л. 20–22.

¹⁷ Боровой А. Бакунин. М., 1994. С. 8.

рисовал перспективы будущей социальной гармонии, так и божественный «абсолютный индивидуализм» (Штирнера и Ницше), стремящийся полностью вырвать личность из общества. По убеждению философа, растворение личности в обществе ведет к деспотизму (ибо в человеке всегда есть нечто принципиально не редуцируемое к социальности), а отрыв личности от общества – к произволу и тирании (ибо нельзя быть свободным среди рабов). Развивая бакунинскую мысль о человеке как одновременно «самом социальном и самом индивидуальном из всех существ», А. Боровой утверждал, что человеческая личность не может ни полностью уйти из общества, ни полностью примириться с ним, но в вечной борьбе за эмансипацию призвана одновременно совершенствовать общественные формы и вновь и вновь преодолевать и сокрушать их. Эта диалектическая «борьба с культурой за культуру» и есть история человечества с ее неизбывным трагизмом и творческим драматизмом.

Обоснование онтологической первичности свободы и личности, доверия к Жизни и недоверия к тотальной экспансии рационализма Алексей Боровой нашел в философии Анри Бергсона. (Кстати, среди теоретиков постклассического российского анархизма было немало и других бергсонистов: например, И.С. Гроссман-Рошин написал специальное исследование о близости философии Бакунина и Бергсона¹⁸.) В идеях Бергсона, как Боровой признается в мемуарах, он увидел «бунт против “разума” и философско-исторического оптимизма»: «Обжегшись на “интеллектуализме”, “фатализме” – именно так был воспринят мной марксизм – я стал невольно тянуться ко всему, что было “волюнтаризмом”, “динамизмом”, “жизнью”, не отдавая отчета, что я ишу себе союзников. (...) Оттолкнувшись от чуждого мне ницшеанского пессимизма и социальных выводов его философствования, не мирившихся с моим политическим радикализмом, тоже инстинктивно приблизился я к Бергсону», у которого «я нашел разрешение моих сомнений. Для моего мироощущения бергсонизм было – выходом из тупика, в котором путались “теории прогресса”... (...) Это был прыжок из царства “практики” в царство “свободы”. (...) Ни до ни после я не испытывал такого восхищения перед чистотой, ясностью, изяществом человеческого мышления. Благородный, подымающий, но не крикливый пафос, всегда адекватный подлинным намерениям автора, внутренняя свобода от догматического шарлатанства, идеальная ма-

¹⁸ Гроссман И. Бакунин и Бергсон // Заветы. 1914. № 5. Отд. 2. С. 47–62.

тематическая простота изложения. (...) Немногие, позже ставшие знаменитыми, метафоры – звучат необходимостью»¹⁹.

Романтику Боровому была близка бергсоновская ориентация философствования скорее на искусство, музыку и поэзию, чем на сциентистские образцы. Для Борового, как и для Бергсона, Жизнь, творчество и личность взаимно коррелируются и проявляются друг через друга. Личность – центр мироздания, неделимая на части сущность, действительнейшая действительность, – раскрывается в творчестве. Жизнь – главная метафора, высший арбитр, всеобъемлющая тотальность, первичная реальность, творческий хаос, нечто бездонное, текучее, многообразное, противоречивое, загадочное, динамичное, прекрасное, одушевленное, неисчерпаемое, постигаемое интуитивно, а не рассудочно. Познание отвергает мертвящий диктат науки, акцентировано на непосредственном целостном переживании мира, стирает субъект-объектные оппозиции. Это интуитивное познание выражается поэтически и символически. Социальная жизнь – спонтанна, в центре ее – творцы-производители, трудящиеся, создатели всех ценностей. Эти бергсоновские идеи принимались Боровым безоговорочно и радикализировались в революционно-либертарном духе. Обоснование – в противовес детерминистским и рационалистическим концепциям – спонтанности и иррациональности Жизни и первичной «безосновности» человеческой свободы – вот что наиболее роднит обоих мыслителей, так же как примат Жизни над мыслью, чувства над рассудком, действия над теорией.

Однако, если философия Бергсона была пронизана слегка завуалированным мистицизмом и спиритуализмом (прямо апеллируя к неоплатоническому «экстазу» и христианскому мистицизму), то Боровой на уровне деклараций был материалистом и категорически отрицал религию как объективацию, догму, фетишистски-авторитарное мышление, не принимал язык религиозных символов и культов. Вместе с тем, как всякий поэтический мыслитель и приверженец романтизма, он воспринимал мир мистически: Жизнь для него была открытой тайной, которой он был захвачен и поглощен, постигая сущности, не данные в чувственном опыте («дух времени» или «душу Парижа»), через музыку, любовь, революцию, созерцание. Он осознавал дух как единственную творческую реальность. Собственное принятие анархизма он «по-августиновски» пережил как «обращение» и «открове-

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 170. Л. 17–19.

ние» и описал волнующим языком религиозной экзальтации. Понятия «экстаз» и «энтузиазм» – дионисийские и неоплатонические по своей природе, – столь значимые для Бергсона, постоянно встречаются и на страницах сочинений «материалиста» Борового. Тема инерции и творчества или, говоря иначе, «живого и мертвого» («Разговоры о Живом и Мертвом» – одна из главных, так и не завершенных книг Борового), явно или неявно, пронизывала всю его философию, выливаясь в ряд фундаментальных оппозиций: «бунтарство–мещанство», «праздник–обыденность», «огненное–холодное», «подъем и спад». Спады в творческом порыве порождают инерцию, смерть, бессмыслицу, застывшую догму (схематизм, мещанство, автоматизм социальной инерции, идеологию, власть и фетишизм), но они снова и снова преодолеваются в бунтарских творческих актах, разобъективирующих отчужденное и возвращающих Жизнь в ее «огненное» состояние²⁰. И это тоже вполне в духе мировосприятия Бергсона, говорящего о восходящей, творческой и нисходящей, инертной тенденциях в мировом процессе. Из творческого хаоса рождаются порядок и гармония, из бунта и разрушения возникают более совершенные формы человеческой социальности – эти идеи были усвоены и усилены Боровым (воспринимавшим бергсоновскую философию через призму ее интерпретации теоретиком революционного синдикализма Ж. Сорелем, оказавшим, подобно Бакунину, огромное влияние на формирование анархического мировоззрения Борового). Жить для него – значит творить, осуществлять личные усилия, отрицать внешнее принуждение, преодолевать границы в творческом экстазе, низвергать всё довлеющее над личностью и анонимное. Главный императив: быть собой, расширять рамки «человеческого», осуществлять свою личность, бунтуя против всего мертвого и застывшего. Говоря языком другого пламенного философа-романтика (симпатизирующего анархизму) Николая Бердяева: утверждать на месте «Этики Закона» «Этику Творчества». Социальная проекция этих идей, выразившаяся у Бергсона в концепции «открытого и закрытого обществ» и «динамической и статической религий», была более последовательно развита русским анархистом в форме критики любой власти и принуждения, любых запретов, иерархий, застывших социальных форм и догм.

²⁰ Восходящая к Бергсону максима нынешней синергетики: «Космос рождается и творится из Хаоса» – в переводе на язык социальной философии дает... прудоновскую формулу «Анархия – мать порядка».

И французский философ, и его русский почитатель делали в своих размышлениях акцент на психологии, индивидуальном, процессуальном, а не на логике, общем, застывшем. Философия Борового, как и философия Бергсона, устремлена к свободе, творчеству, действию, подчеркивает несводимость духа к материи, человека к природе, личности к обществу, философии к науке, свободы к необходимости, нового к старому. Антиредукционизм, антидетерминизм, холизм, витализм Бергсона стали мощным орудием в анархизме Борового, обосновывая достоинство личности и доверие к спонтанному творчеству Жизни, отвергающему любые оковы власти. При этом, подобно Бергсону и Бакунину (и предваряя размышления Т. Адорно, М. Хоркхаймера, М. Фуко и П. Фейерабенда), Боровой отрицал вовсе не разум и науку, а рационализм и сциентизм с их унифицирующе-репрессивной экспансией на все сферы культуры, и стремился реабилитировать интуитивное постижение мира во всей его глубине и полноте.

Боровой отстаивал мысль о том, что личность – не только функция общества или культуры, но и самобытная, самоценная творческая единица, способная через бунт переделывать и общество и культуру. Для него, как и для Бергсона, свобода – фундаментальное, основополагающее качество человеческого «я». Свободный акт идет из глубины «я», из цельности личности, противостоит внешней власти, объективациям, детерминации, несвободе. Эта персоналистская антропология и онтология свободы, как и интуитивистская гносеология, подводят серьезный философский фундамент под анархическое мировоззрение.

Особенно важное значение в бергсонизме Боровой придавал антирационализму и антисциентизму. «Рационализм» он понимал чрезвычайно широко и комплексно: «как мирозерцание, как культурно-историческое явление, как политическую систему»²¹. Сюда входят и прогрессизм, и доктринерство, и «идолопоклонство перед разумом», и представительная парламентская демократия, и культ абстрактного права, и сциентистское «ослепление» современного человечества, и панлогизм Гегеля, и «исторический материализм» Маркса, и экономическая мысль либералов, и идея «абстрактного человека», и многое другое, отрицающее жизнь, личность, свободу и приносящее их на алтарь разнообразных догм, схем, абстракций и «фетишизмов»:

²¹ Боровой А.А. Анархизм. М., 1918. С. 43.

«С внешним освобождением он [рационализм. – П. Р.] нес внутреннее рабство – рабство от законов, рабство от теорий, от необходимости, необходимости тех представлений, которые породил он сам. Обещая жизнь, он близил смерть»²². Отрицая власть науки над жизнью, слепую веру в прогресс, попытки разума заковать жизнь в свои оковы, Боровой также отрицал притязания интеллигенции стать новым господствующим классом, любые формы эксплуатации и иерархии (включая власть экспертов). Напротив, революционный синдикализм, с его динамизмом, революционным творчеством, отказом от «конечной цели», приматом движения над идеологией, тактикой «прямого действия» (исключающей представительство и посредничество), оказывается в философии Борового коррелятом бергсоновского понятия «жизненный порыв» – выражением спонтанного движения самих масс.

Обращение к полузабытым и недооцененным в культурном контексте XIX в. идеям М.А. Бакунина, которого он считал своим единственным учителем в анархической мысли, – еще одна философская заслуга Борового. Он акцентировал своеобразную «негативную диалектику» Бакунина («творческое разрушение» и «разрушающее созидание» как бунтарская душа Революции), интуитивистские и волюнтаристские идеи («бунт жизни против правления науки», преобладание действия над теорией и целостного постижения мира над дискурсивным), поразительно сближавшие его с Бергсоном, а также отказ великого бунтаря от попыток проектировать «конечный идеал» анархизма (из-за непредсказуемости жизни для мысли и принципиальной открытости и незавершаемости анархизма).

Значительное место в трудах бывшего марксиста Борового занимает полемика против «экономического материализма» Маркса и его эпигонов. Боровой не только не считал науку высшей инстанцией, способной управлять жизнью, но и отказывал марксизму в статусе строгой «научности», обнаруживая в нем религиозные (недоказуемые, догматические) моменты, критиковал его за пренебрежение личностью, детерминизм, авторитаризм и фатализм. Все это, впрочем, не мешало ему высоко ценить Маркса как ученого и использовать многие идеи из его критики и анализа капитализма.

В своих сочинениях 1920–1930-х гг. русский анархист продолжил принципиальную полемику как с теорией «экономического материа-

²² Там же. С. 52.

лизма» Маркса, так и с большевистской тоталитарной практикой. В 1928 г. в Париже в анархистском издательстве «Дело Труда» вышла (без указания автора, по понятным причинам) книга Борового «Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти», в которой, без оглядки на цензуру, была дана подробная и резкая критика большевистского режима. Отмечая, что «Октябрьская революция была крушением марксистских схем»²³, автор констатировал: «... большевики, не брезгая грязной работой, не беспокоясь о чистоте репутации, об исторических апологиях и возмездиях, возводили казармы и застенки, чтобы запрятать туда сверх-программные стихии и подчинить их единственно непреложному и непогрешимому уставу непогрешимой партии большевиков», в результате чего «массы не устояли перед посулами нового хозяина и получили палку, какой не знала и дореволюционная Россия»²⁴. Анархическая стихия Великой российской революции 1917–1921 гг., стихия народного самоуправления и низовой самоорганизации была задавлена гранитом большевистской диктатуры и государственнической реакции. Говоря о поражении Революции, Боровой особо подчеркивал, что «большевизм убил ее душу, убил ее моральный смысл» террором, централизмом, беспринципным лавированием и, одновременно, догматизмом, утвердив «систему универсальной и беспощадной эксплуатации». По констатации А. Борового, «закабаление труда, упразднение рабочего и служащего, как личности; усиливающаяся государственная эксплуатация труда, нарастающая безработица; решительная невозможность для трудящихся масс отстаивать свои интересы там, где они в чем-либо противоречат директивам из центра; превращение профсоюзов в бессильный подголосок партии: беспощадные санкции против протестантов; чудовищный рост карательного аппарата; образование привилегированных паразитических групп, выполняющих исключительно функции надзора и охраны, – таковы основные черты советской капиталистической государственной системы»²⁵, системы, подкрепляемой «штыками, тюрьмами, концентрационными лагерями, административной ссылкой, расстрелами»²⁶.

²³ Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти. Париж, 1928. С. 17.

²⁴ Там же. С. 16.

²⁵ Там же. С. 26.

²⁶ Там же. С. 32.

В критике марксизма и большевизма Боровой призвал себе на помощь не только критику Бакуниным «государственного социализма» (пример поразительно точного антиутопического прогноза²⁷), но и творчество Федора Достоевского. В книге о нем (над которой он работал в 1920–1935 гг.) Боровой мудро вопрошал: «Какой же безграничной наивностью должно казаться нам ожидание столь многих, что в каком-то тридевятом царстве, тридесятом государстве – наступит, наконец, всеобщее довольство: сомнения будут разрешены, с враждой покончено, люди друг друга обнимут и поймут до конца и пределов не будет ликованию. Трагическое окажется навсегда вычеркнуто из жизни»²⁸. В эпоху построения «хрустального дворца» и всеобщих официальных восторгов по этому поводу Алексей Боровой отстаивал право человека на страдание и выступил против иллюзий о «конце истории», даже если бы это был «счастливый конец». В эпоху торжества партийной однозначности, черно-белого видения мира и идеологического диктата Боровой в книге о Достоевском выступил в защиту глубины и сложности человеческого универсума, против любых однозначных ярлыков и формул. В эпоху триумфа «научного» коммунизма Боровой напомнил, вслед за Достоевским, о пределах науки и разума и невозможности для них объять и тем паче определять жизнь. Искания человека вечны. Он не сводим только к набору социальных ролей и функций. Смысл жизни не сводится к сытым радостям мещанина. В эпоху казенного «оптимизма» Боровой, апеллируя к Достоевскому, проповедовал «героический пессимизм»: «С прекращением “классовой войны”, с особенной рельефностью выступает биологическая природа человека и психофизическая индивидуальность, человек “сам по себе” станет центральной темой. Сейчас есть человек в кавычках (определение только через социальное), только тогда встанет перед исследователем человек без кавычек»²⁹. «Человек без кавычек» – это и есть экзистенция в чистом виде. Там, где человеческая «единица» была признана количественно ничтожной и не заслуживающей внимания перед лицом бесконечных величин, Боровой подчеркивал ее качественную незаменимость и уникальность. И эта качественная определенность, целостность личности – не есть

²⁷ См. об этом: *Исаев А.К.* Оценка М.А. Бакуниным теории и программы «государственного социализма» // Памяти М.А. Бакунина. М., 1990.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 113. Л. 9.

²⁹ Там же. Л. 57 об.

просто мертвые «измы», догмы, роли и социальные детерминации, не есть даже отдельные «мысли», но – противоречия, муки, живой, не укладываемый в рамки и не объективируемый Дух. А потому: «Наоборот, именно там, где хрустальные дворцы будут тешить изглодавшиеся взоры, где жизнь будет регламентирована по умнейшим человеческим рецептам, именно там-то и заговорят стихии трагизма с невероятной, необычной для нас силой»³⁰. Ибо жизнь – в движении, истина – всегда личностна, а страдание – неизбежно и порой благотворно. Подлинно человеческие проблемы – экзистенциальные проблемы духа – вечны и не сводимы к социальному. Самое главное в человеке ускользает от определения, ни из чего не выводится, по-сартровски утверждал Боровой. Вслед за Достоевским он «устраняет оправдание – рождением, средой, игрой стихий. Личность, ее воля, свобода, сознательность в выборе средств – решающие факторы действия. Никто не может сбросить с себя личную ответственность»³¹.

Автор книги о Достоевском с невероятной смелостью писал: «Это – коммунизм, по слову Герцена, “русское самодержавие наыворот”, коммунизм-аракчеевщина, задуманный сверху, проводимый догматически, наивно верящий, что гармония и счастье целого могут быть достигнуты выхолащиванием своеобразия в человеческом, мечтающий о едином, рациональном и стандартном бытии, с предопределением идей, эмоций, устремлений, нетерпимый к самостоятельным исканиям. (...) Коммунизм-пародия, вырастающий не из воли и победы угнетенных, а из мозга доктринера, приносящий реальное в жертву химерам. Человек – мясо, навоз, бескачественная единица, допускающая над собой любые манипуляции»³².

О чем и о ком эти горькие слова, написанные в середине 1930-х гг.? Неужели только о «шигалёвщине» у Достоевского? Боровой – не говоря ни слова об СССР, о Сталине и Ленине, рассуждает о личности, жизни, свободе, бросая вызов тоталитаризму с его палачами, цензорами, идеологами и холопами, с его наглой «простотой», которая «хуже воровства».

Так в ситуации тотального кризиса современной цивилизации (и всех связанных с ней «идеологий»), А.А. Боровой предпринял радикальное обновление анархической теории, более соответствующее

³⁰ Там же. Л. 9.

³¹ Там же. Л. 57.

³² Там же. Л. 146–146 об.

современному состоянию человечества, смело раздвинул духовные горизонты вольнолюбивой мысли, поставив в центр внимания экзистенциальные проблемы, апеллируя к достоинству и активности личности (но не игнорируя и не идеализируя общество). Отбросив сциентистские и прогрессистские предрассудки, он сделал шаг к превращению анархизма из идеологии в современную динамичную и богатую живым содержанием философию. Вот почему я полагаю, что его наследие имеет далеко не только «антикварную» ценность.

БИБЛИОГРАФИЯ

Боровой А.А. Анархизм. М., 1918; *Он же.* Анархизм. М., 2009; *Он же.* Бакунин. М., 1994; *Он же.* Власть // Анархия и Власть. М., 1992; *Он же.* Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. (Отрывки) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения. М., 1994; *Он же.* Моя жизнь. Воспоминания. Глава VII. Как я стал анархистом // Человек. 2010. № 3; *Он же.* «Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии» // Диаспора: Новые материалы. Т. 6. СПб., 2004.

Аладышкин И.В. Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX – первой декады XX века (на материалах гг. Москвы и Санкт-Петербурга). Диссерт. ... к. ист. н. Иваново, 2006.

Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 2000.

Отверженный Н. [Булычёв Н.Г.] Главные течения в анархической литературе XX века // Михаилу Бакунину. 1876–1926. Очерки истории анархического движения в России. М., 1926.

Пастухов А. Проблема анархической философии, общественности и А. Боровой // Пробуждение. Детройт, 1929. № 8.

Рублёв Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой. Человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2.

Рублёв Д.И. Проблема «интеллигенция и революция» в анархической публицистике начала XX века // Отечественная история. 2006. № 3.

Рублёв Д.И. Московские анархисты в середине 1920–1930-х гг. (Политическая борьба в условиях репрессий) // Прямухинские чтения 2008 года. Тверь, 2010.

Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). М., 2007.

Рябов П.В. Философия постклассического российского анархизма – terra incognita для историко-философских исследований (к постановке проблемы) // Преподаватель XXI век. 2009. № 3.

Рябов П.В. Хорошо забытое старое. Обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Культурология: Дайджест. 2009. № 1 (48).

Рябов П.В. Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонизма) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 6. Сер. Гуманитарные науки. 2010.

Талеров П.И. О жизни и творчестве Алексея Борового – анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2008. № 6.

Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994.

Цовма М.А. Алексей Боровой и Петр Кропоткин // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 3: П.А. Кропоткин и революционное движение. М., 2001.

Эврич П. Русские анархисты. 1905–1917. М., 2006.

Avrich P.H. The Russian Anarchists. N.Y., 1978.

Goodwin J. Confronting Dostoevsky's Demons. Anarchism and the Specter of Bakunin in Twentieth-Century Russia. N.Y., 2010.